

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2015 – № 1

**ЕВРОПА:
ВЫЗОВЫ СЕПАРАТИЗМА**
EUROPE:
CHALLENGES OF SEPARATISM

Москва
2015

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

**Актуальные проблемы
Европы №1 / 2015**

«Агентство научных изданий»

2015

УДК 323.17
ББК 66.2

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №1 / 2015 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2015 — (Журнал «Актуальные
проблемы Европы»)

Анализируются причины и следствия сепаратизма в современной Европе. Исследуются формы проявления сепаратизма и практика политических партий, инициирующих сепаратистские движения. Оценивается политика отдельных государств и международных институтов в процессах урегулирования конфликтных ситуаций, являющихся результатом всплеска сепаратизма. Для научных работников, сотрудников государственных учреждений, преподавателей высшей школы, аспирантов и студентов.

УДК 323.17
ББК 66.2

Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	7
Понимание сепаратизма: Об амбивалентных соотношениях сецессионизма, автономизма, регионализма	10
Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности	20
Сецессии на постимперском пространстве: Косово, Абхазия, Южная Осетия	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Актуальные проблемы Европы № 1 / 2015 Европа: Вызовы сепаратизма

Сведения об авторах

Балясникова Ольга Вениаминовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.

Balyasnikova O.V. – candidate of sciences (PhD in philology), Institute of linguistics RAS, sector of ethnopsycholinguistics, senior researcher. (bn.post@yandex.ru)

Комалова Лилия Ряшитовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института прикладной и математической лингвистики ГОУ ВПО МГЛУ, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий МГЛУ.

Komalova L.R. – candidate of sciences (PhD in philology), Institute of applied and mathematical linguistics, GOU VPO MSLU, senior researcher, Department of linguistics and professional communications in the field of media technologies, MSLU, senior lecturer. (GenuinePR@yandex.ru)

Кудряшова Ирина Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, старший научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН.

Kudryashova I.V. – candidate of sciences (Ph.D in political sciences), MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs, associate professor, Department of comparative politics, INION RAS, senior researcher.

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Восточной Европы ИНИОН РАН.

Lykoshina L.S. – doctor of sciences (Sc.D in history), Department of East Europe, INION RAS, leading researcher. (lykoszyna@mail.ru)

Мелешкина Елена Юрьевна – доктор политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН.

Meleshkina E.Y. – doctor of sciences (Sc.D in political sciences), Department of political science, National research university «Higher school of economics», professor, Head of the Department of comparative politics, INION RAS. (meleshkina@politstudies.ru)

Минеев Александр Петрович – кандидат физико-математических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, ответственный секретарь и член бюро Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Mineev A.P. – candidate of sciences (PhD in physico-mathematical sciences), MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs, professor, Class 3 active state advisor of the Russian Federation, Executive secretary and member of the Expert Council of the Bureau of the Committee on Foreign Affairs of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. (mineyev@list.ru)

Нарочницкая Екатерина Алексеевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Западной Европы и Америки ИНИОН РАН, директор Центра исследо-

ваний и аналитики Фонда исторической перспективы, глава Парижского отделения Института демократии и сотрудничества.

Narochnitskaya E.A. – candidate of sciences (Ph.D in history), Department of West Europe and America, INION RAS, leading researcher, President of Analytics research centre, Foundation of historical perspective, Head of the Paris section of the Institute for democracy and cooperation. (ye_naroch@inbox.ru)

Погорельская Светлана Вадимовна – кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник отдела Западной Европы и Америки ИНИОН РАН.

Pogorelskaya S.V. – candidate of sciences (Ph.D in political sciences, Ph.D University of Bonn), Department of West Europe and America, INION RAS, senior researcher. (pogorels@mail.ru)

Романенко Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Romanenko S.A. – doctor of sciences (Sc.D in history), Russian state university for the humanities, professor, Institute of economics RAS, leading researcher. (serg.hist@gmail.com)

Хенкин Сергей Маркович – доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ, ведущий научный сотрудник отдела Западной Европы и Америки ИНИОН РАН.

Khenkin S.M. – doctor of sciences (Sc.D in history), MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs, professor of political science, Department of West Europe and America, INION RAS, leading researcher. (sergkhenkin@mail.ru)

Черноморова Татьяна Васильевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела глобальных проблем ИНИОН РАН.

Chernomorova T.V. – candidate of sciences (Ph.D in economics), Department of global problems, INION RAS, senior researcher. (global@inion.ru)

Введение

В ряду вызовов безопасности, на которые Европе придется отвечать в XXI в., вызовы сепаратизма являются наиболее опасными, поскольку они обусловлены европейской историей, связаны с экономической, а в ряде случаев – и с геополитической конкуренцией и не имеют быстрого решения. В политико-правовой практике понятие «сепаратизм» трактуется широко: это и выдвижение требований самоопределения части территорий государств, их последующего отделения и обретения независимости (сецессионизм), и применение силовых (а потому противозаконных) методов борьбы за расширение автономных, федеральных, конфедеративных прав, и действия сепаратистских групп в сопредельных странах, выступающих за объединение с частью соседней страны (ирредентизм). Зачастую на основе сепаратистских движений создаются политические партии националистического толка, военные (террористические) формирования и даже «правительства в изгнании».

Формула «самоопределение наций», впервые появившаяся в документах Берлинского конгресса 1878 г., претерпела существенные изменения при обсуждении такого документа международного права, как Устав ООН (ст. 1), где вначале говорилось о «праве народов на самоопределение», а затем – после длительного обсуждения – был зафиксирован «принцип равноправия и самоопределения» народов. В ходе дискуссии неоднократно подчеркивалось, что вопрос о применении этого принципа должен рассматриваться в каждом отдельном случае, чтобы поставить преграду сепаратизму и военному вмешательству. Возможность толкования понятия «нация» – либо как национальность (nation), либо как национальное государство (nation-state) – также широко обсуждалась. При этом подчеркивалась необходимость уточнения как этого термина, так и понятия «народ» (как всего населения какого-либо государства, а не отдельных этнических групп).

Известный российский исследователь А.А. Языкова подчеркивает, что последующие документы ООН были направлены на уточнение соответствующих понятий и, наконец, в Резолюции ГА ООН от 24 октября 1970 г. были аккумулированы основные положения о самоопределении, изложенные в предыдущих документах ООН. В ст. 6 Устава ООН подчеркивается, что «всякие попытки, направленные на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное государство и территориальную целостность страны, несовместимы с принципами и целями Устава».

В 1975 г. в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе постулировалось десять принципов, которые государства-участники обязались «уважать и применять со всеми другими государствами-участниками», среди них: неприменение силы и угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность государств; мирное урегулирование споров; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой.

Да, действительно, Хельсинкский Заключительный акт является политически, а не юридически обязывающим документом (т.е. не подлежит ратификации парламентами стран-участниц), в силу чего ряд юристов-международников оспаривают его значение в качестве полноценного источника права. Но принцип нерушимости границ в качестве общеевропейской нормы был еще раз закреплён в Парижской хартии для новой Европы в 1990 г.

Два события кардинально изменили европейский политический ландшафт: распад СССР и СФРЮ. И хотя в 1991 г. и ООН, и Евросоюз принимали документы (резолюции и декларации), в которых подчеркивалось положение о непризнании международным сообществом права на самоопределение в качестве оправдания отделения частей территории вновь образованных государств, оно было неоднократно нарушено в ходе вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии. В дальнейшем в ряде документов, принимавшихся в связи с возникавшими в Европе конфликтами, на первый план выдвигался принцип территориаль-

ной целостности государств, хотя и оговаривалось, что так называемое «внешнее самоопределение» возможно, если власти того или иного государства не пресекают массовые нарушения прав человека или допускают массовую дискриминацию национальных меньшинств. При этом давались рекомендации о целесообразности перенесения акцентов на расширение федеративных или автономных прав (т.е. на «внутреннее самоопределение»).

Следует подчеркнуть, что в Европе после Второй мировой войны было сделано немало для того, чтобы предотвратить всплески агрессивного национализма как в смысле создания соответствующей правовой базы, так и на уровне практической политики, ставящей своей целью формирование стабильных демократических государств. Однако в условиях экономического кризиса наблюдается обострение проявлений сепаратизма в Европе, обусловленное тем, что более богатые и промышленно развитые регионы не хотят финансировать или, как выражаются их представители, «брать на содержание» бедные провинции. Кроме этого, пренебрежение к культурным особенностям различных этнических групп, невозможность участия в процессе принятия решений на общестрановом уровне, в том числе в финансово-экономической сфере (т.е. невозможность распоряжаться собственными ресурсами), являются теми факторами, которые вызывают всплески сепаратизма в таких европейских странах, как Великобритания (Шотландия, Уэльс), Франция (Корсика, Бретань), Испания (Каталония, Страна Басков), Италия (Северная Италия, Южный Тироль), Румыния (Трансильвания), Македония.

При подготовке данного выпуска журнала редакционная коллегия руководствовалась необходимостью рассмотрения как теоретических аспектов проблемы сепаратизма, так и конкретных политических практик, используемых различными европейскими государствами и международным сообществом в целом для разработки более-менее адекватных ответов на вызовы сепаратизма.

В статьях Е.А. Нарочницкой анализируются сложные вопросы содержания и интерпретации сепаратизма, его соотношения с сецессионизмом, автономизмом и еврорегионализмом, основные критерии сопоставления и типовые особенности сепаратистских движений. Рассматривается проблема многообразия и классификации сепаратизма и сецессий.

Е.Ю. Мелешкина и И.В. Кудряшова в статье «Сецессии на постимперском пространстве: Косово, Абхазия, Южная Осетия» ставят перед собой две задачи: определить теоретический подход к анализу государственного строительства на имперской периферии; исследовать политические процессы в отдельных регионах до и после международно-правового признания.

А.П. Минеев в своей статье пишет об инокультурных факторах сепаратизма, которые проявляются как в чисто этническом, так и в чисто религиозном, а иногда конфессиональном (в рамках одной мировой религии по приверженности разным ее толкам) измерениях. При этом внимание обращается и на те случаи сепаратизма, которые являются чисто региональными. В целом же его статья посвящена рассмотрению потенциала региональной идентичности российских регионов. Автор предпринимает также попытку построения сценариев развития сепаратизма на примере ближайшего соседа России – Украины.

В 2014 г. Европа была озабочена развитием украинского кризиса, приведшего к серьезному обострению отношений между Россией и Западом, но также итогами референдума в Шотландии, ибо на карту было поставлено само существование Соединенного Королевства. Итоги референдума, когда шотландцы все-таки проголосовали за то, чтобы остаться в составе Великобритании, привели к широкой дискуссии о расширении самостоятельности других частей страны (Англии, Уэльса и Северной Ирландии). Т.В. Черноморова в своей статье, посвященной анализу исторических и социально-экономических мотивов сторонников отделения Шотландии, обращает внимание на тщательную проработку сложнейших вопросов, связанных с подготовкой и проведением референдума, а также с извлечением уроков политической элитой страны.

В статье С.М. Хенкина воссоздана сложная картина взаимоотношений каталонских националистов и сепаратистов с испанским государством. Особое внимание автор уделяет анализу движущих сил современного сепаратизма, политической борьбе вокруг запланированного референдума по вопросу о предоставлении Каталонии независимости.

Л.С. Лыкошина исследует историю возникновения «силезской проблемы» Польской Республики, ее сущностные аспекты. Автор дает анализ деятельности региональных организаций Силезии, их программных установок, позиций по ряду важных общенациональных проблем. Выявляются экономические аспекты проблемы, анализируется политика правительства в условиях кризиса угольной отрасли.

Основной целью статьи С.А. Романенко является анализ процессов национального самоопределения на постъюгославском пространстве за последние двадцать лет, которые в этот период приобрели максималистский, национально-революционный характер. Автор обращает внимание на то, что ни одно национальное движение в регионе Западных Балкан не видело возможности самоопределения своей нации в рамках единого государства, каким бы ни было его устройство, и тогда главной задачей стало создание полностью независимых суверенных государств. При этом принцип совпадения этнической территории с территорией государства стал идеологической и психологической причинами возникновения войн в процессе распада СФРЮ.

В статье С.В. Погорельской предпринимается попытка анализа информационной политики Германии по отношению к сепаратизму в украинском кризисе. Поскольку Германия – в силу ее собственного исторического опыта и наличия многочисленной русскоязычной диаспоры – имеет ряд особенностей, редколлегия и автор сочли необходимым уделить особое внимание информационной политике этой европейской страны.

Завершают данный выпуск научного журнала два обзора, посвященные анализу роли языка в развитии внутривнутриполитических ситуаций и такого феномена, как «языковой сепаратизм».

О.В. Балясникова представляет обзор работ, где исследуется языковая ситуация в ряде современных стран. В контексте глобализации рассматривается взаимосвязь «языковой» политики с общими социально-политическими тенденциями; особое внимание уделяется вопросам национальной идентичности носителей разных языков в новых суверенных государствах, выявляются конфликтогенные тенденции, связанные с историческим прошлым культур и языков и существующие в ситуации межъязыкового общения.

Л.Р. Комалова анализирует вопросы сепаратизма во взаимосвязи с языковой политикой государства, такие аспекты, как конфликтогенный потенциал официального языка в условиях существования многонационального государства, конструктивные и деструктивные черты языковой политики в отношении языков национальных меньшинств.

Т.Г. Пархалина

Понимание сепаратизма: Об амбивалентных соотношениях сецессионизма, автономизма, регионализма

Е.А. Нарочницкая

Аннотация. В статье анализируются спорные вопросы содержания и интерпретации сепаратизма, его соотношение с сецессионизмом, автономизмом и европейским регионализмом. Рассматриваются различия между автономизмом и сепаратизмом (сецессионизмом) как двумя альтернативными стратегиями решения сходных конфликтов. Рассматривается феномен нового регионалистского постмодернистского квазисепаратизма.

Abstract. The article addresses the concept of separatism and its meanings, focusing on the relationship between separatism, secessionism, autonomism and euro-regionalism. Contrasts between autonomism and separatism (secessionism) are particularly emphasized as well as similarities and differences between separatism and a new postmodern regionalism.

Ключевые слова: сепаратизм, сецессионизм, автономизм, регионализм, еврорегионализм, сецессия, автономия, этнический конфликт, изменение границ, правовой статус сепаратизма, легальный сепаратизм, антиконституционность сецессии, квазисепаратизм, постмодернистский сепаратизм.

Keywords: separatism, secessionism, autonomism, regionalism, euro-regionalism, secession, autonomy, ethnic conflict, border change, legality of separatism, legal separatism, unconstitutionality of secession, quasi-separatism, postmodern separatism.

Тема сепаратизма сегодня остра, дискуссионна и поляризована, как никогда прежде. Во всяком случае, никогда еще на теоретическом уровне не велось столько споров о правомочности, опасности и перспективах сецессий. И никогда еще сторонники сепаратистского тренда не видели в нем «главный сюжет» века, обещающий не столько изменить очертания границ, сколько вывести на «новую ступень прогресса» принципы мироустройства (см.: 3).

Обращаясь к этой проблематике, имеет смысл начать с вопроса о содержании сепаратизма и различиях в употреблении самого термина. Во многих современных словарях «сепаратизм» трактуют в самом широком смысле – как взгляды или действия, направленные на «обособление» от целого его части. Некоторые основания к тому дает не только этимология слова – от латинского *separare* (отделять/ся), – но и отчасти его история.

В Англии XVI–XVII вв. «сепаратистами» называли пуританские общины, отколовшиеся от Англиканской церкви. Именно такими сепаратистами были отцы-пилигримы, основавшие Плимутскую колонию Новой Англии – ту самую, которая стала колыбелью США и смыслообразующим символом американской идентичности. Историческое наименование «сепаратисты» в данном частном значении (а также применительно к разным ответвлениям протестантизма) остается широкоупотребимым в англо-американской литературе. В других языках и даже научных историографиях, за исключением, пожалуй, религиоведения, оно встречается крайне редко.

Тем не менее ассоциация общего понятия «сепаратизм» с религиозной сферой – и, в первую очередь, именно с ней – давняя традиция всей европейской культуры. К примеру, в русских дореволюционных словарях сепаратизм определялся как «желание отпасть от церкви или от государства для образования отдельного общества, религиозного или политического» (энциклопедический словарь Ф.Ф. Павленкова); «дух отщепенства в религиозных или политических делах» (словарь иностранных слов А.Н. Чудинова).

С наступлением эпохи секуляризма «политические дела» все больше оттесняли религиозные на задний план. В свою очередь, среди разных политических процессов обособления-отделения на центральное место выдвинулось измерение, связанное с государственностью и политическим контролем территориального пространства. Произошло это под влиянием ряда планетарных явлений XX столетия. Среди них – взлет национальной идеи и достигшее апогея укрепление института государства; беспрецедентная конкуренция амбициозных национальных, геополитических и идеологических проектов; масштабные перекройки политической карты в результате двух мировых войн и деколонизации; интенсивное развитие международного права, причем как права преимущественно межгосударственного. В итоге актуализировалось и кристаллизовалось четкое и привычное нам главное значение сепаратизма: движение за отделение от государства его части.

В международном праве нет ни универсально принятой дефиниции сепаратизма, ни корпуса положений, прямо относящихся к этому явлению¹. В качестве же одной из вариаций научного определения можно привести формулировку авторитетного американского этноконфликтолога Д. Горовица: обособление группы «населения, главным образом, на этнической и религиозной основе, выход этой группы и ее территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является, с последующим образованием нового государства» (1, с. 145). Вариант академика В. Тишкова звучит так: «Сепаратизм – это требование суверенитета и независимости для этнически обозначенной территории, и это требование направлено против государственной власти страны проживания» (7). (Отметим, что этнический либо этноконфессиональный элемент не являются обязательным атрибутом сепаратизма, но наиболее типичен для сепаратистских движений XX столетия.) Ряд исследователей считают необходимым добавить важный уточняющий нюанс, который обычно подразумевается, но выпадает из определений: к сепаратизму относятся только те случаи, когда импульс к отделению исходит не извне государства, а изнутри (см., напр.: 6).

Между тем в последние два-три десятилетия содержание, вкладываемое в понятие «сепаратизм», вновь становится все более множественным и размытым. Слово вошло в моду (отражая дух постмодерна) и употребляется в не свойственных ему прежде контекстах. Возникли многочисленные новые «сепаратизмы с прилагательными», относящиеся к всевозможным сферам. Появились сочетания «феминистический сепаратизм», «социальный сепаратизм», «правовой сепаратизм», «административный сепаратизм», «электоральный сепаратизм», «парламентский (и даже «межпарламентский») сепаратизм», «системный сепаратизм», «внутренний сепаратизм», а также земельный, финансовый, бюджетный, торгово-производственный, лесной, рыбный и проч.

Весь этот растущий конгломерат неологизмов требует прежде всего дифференциации и соотнесения их смысла. Некоторые из них явно не содержат внятных критериев применения, оставаясь не более чем метафорами. И хотя метафоры в социально-гуманитарном дискурсе способны выполнять ценную аналитическую функцию, не всегда это обстоит так. По крайней мере часть «сепаратизмов с прилагательными» сводятся к публицистическим преувеличениям, лишь смазывающим реальную природу описываемых явлений. Другие – например, «этнический сепаратизм» в непривычном смысле (в значении отдельного этнического самоопределения), «феминистический» или «социальный» сепаратизм – могут быть логически вполне корректны. Но важно понимать, что если они относятся к разным аспектам социальной действительности, то и рассматривать их надо по отдельности (например, не приравни-

¹ В одном из первых международных документов, где используется это понятие, – Шанхайской конвенции 2001 г., дается лишь подчеркнуто рабочее определение сепаратизма – «для целей данной конвенции»: «Деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства», причем «совершаемое насильственным путем». То есть речь идет лишь о вооруженной разновидности сепаратизма.

вая «сепаратное» этническое самоопределение к политическому сепаратизму на этнической почве). Лишь часть сочетаний со словом «сепаратизм» образует системы взаимосвязанных, соподчиненных понятий, которые характеризуют типы, виды и подвиды одного и того же феномена или отдельные черты его конкретных воплощений.

В данной и следующей статье² мы оперируем лишь взаимоувязанными понятиями и смыслами, а именно теми, которые относятся к анализируемому нами объекту – сепаратизму в утвердившемся узком значении, т.е. сепаратизму государственному, или территориально-политическому.

Но даже в этих рамках сразу встает вопрос: что именно считать сепаратизмом? Во многих современных словарях и работах с этим понятием ассоциируют движения как за отделение от государства, так и «за предоставление части страны автономии». Именно ссылаясь на эту тенденцию, Ф. Попов, автор примечательной монографии «География сецессионизма в современном мире», называет сепаратизмом любое «стремление к обособлению части территории государства». Тем не менее сам он четко разделяет «стремление к обособлению» на две главные разновидности – автономизм и сецессионизм, который, как известно, в свою очередь, распадается на индепендизм, подразумевающий образование отдельного государства, и ирредентизм, присоединение к другому государству (6, с. 23).

Правда, совсем не очевидно, что «сецессионизм» – давний, но менее распространенный синоним «сепаратизма» – предпочтительнее последнего в его привычном узком смысле. Аналогично «сепаратизму» «сецессионизм» и «сецессия» имеют иные значения, производные от этимологического корня *secedo* («ухожу»). Точно так же они применяются к религиозным схизмам, прежде всего к размежеванию течений внутри протестантизма³.

Современный бум образного словотворчества в общественных науках уже создал, как и в случае с «сепаратизмом», длинный ряд метафорических, концептуально не разработанных «сецессий с прилагательными», среди которых социальная, экономическая, административная, электоральная и прочие «сецессии». Ко всему прочему, нет недостатка в примерах, когда и сецессию также ассоциируют не только с отделением от государства, но и с получением автономного статуса (см., напр.: 2). Таким образом, проблему четкости и однозначности термин «сецессионизм» не решает нисколько. «Сепаратизм» же как таковой, без уточняющих слов, понимается (отнюдь не только в России) – и в общественном сознании, и в политическом языке, что нельзя игнорировать, – именно в значении выхода из состава государства и не иначе.

Но, по существу, проблема в данном случае заключается не в выборе «лучшего» из двух синонимов (сецессионизм и сепаратизм). Суть в другом: насколько правомерно объединять автономистские⁴ (регионалистские) проекты и движения за отделение от государства в одно явление? Вопрос этот гораздо важнее чисто терминологических предпочтений. Ответ на него тесно связан с политической, моральной, юридической оценкой сепаратизма, с пониманием его политико-философского подтекста, и он не так прост, как может показаться.

Сепаратизм – автономизм

Расширительное толкование сепаратизма и его частичное отождествление с автономизмом вполне объяснимы. Сепаратистские и автономистские движения в современном мире обычно оперируют близкими идеями этнонационализма или этнорегионализма. Конечно, при-

² См. статью «Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности» в настоящем издании.

³ Кроме того, «сецессии» – принятое в историографии античности наименование массовых уходов плебса из Рима, а также термин, закрепившийся в Германии и Австрии за некоторыми течениями в искусстве рубежа XX в., прежде всего венской школой «артицтво».

⁴ Здесь и далее под «автономизмом» условно понимается весь спектр возможных (формальных и фактических) автономных статусов в рамках единого государства, как унитарного, так и федеративного.

чины и мотивы этих движений многообразны и в каждом конкретном случае образуют уникальную комбинацию. Это – отдельная обширная тема, которую мы здесь не рассматриваем. Но каковы бы ни были «драйверы», сепаратизм и автономизм выступают двумя альтернативными стратегиями в решении одних и тех же или однотипных конфликтов. В этом смысле они имеют единую почву и единый контекст.

Весомым основанием для девальвации грани между автономизмом и собственно сепаратизмом выглядит то, что в реальной общественной практике эта грань подвижна и размыта. Точнее, подвижными, размытыми, ситуативными являются позиции конкретных носителей таких идей. Автономистские устремления перерастают в проекты отделения и наоборот. Кроме того, большинство движений, кроме самых мелких и радикальных, отнюдь не монолитны, а состоят из фракций разной ориентации, влияние которых меняется, как меняются и их собственные взгляды.

Партия Уэльса в момент создания в 1920-х годах открыто не претендовала даже на самоуправление, ограничиваясь задачей уберечь от исчезновения валлийский язык. В последние десять лет ее целями называются «превращение со временем в независимую страну», «независимый Уэльс как полноправный член Европейского союза» и т.п. (см.: 11). (Правда, с главной страницы партийного сайта лозунг «независимость Уэльса в составе Европы, с получением членства в ООН» исчез сразу после неудачи шотландского референдума об отделении.)

Баскская националистическая партия, напротив, была образована в конце XIX столетия для борьбы за независимость и воссоединение всех населенных басками земель, но затем предпочла, при всех внутренних дискуссиях, курс на автономию. Став уже в послефранкистской Испании ведущей силой автономной Страны Басков, БНП в течение десятилетий держалась умеренной линии, не выходя за рамки испанской Конституции. Но в 1998 г. в ее стратегии произошел новый поворот: она подписала пакт с радикальными баскскими организациями, в котором солидаризировалась с целью «достижения суверенитета».

Лига Севера, созданная как автономистская партия, вскоре инициировала дискуссию о преобразовании Италии в федерацию либо даже конфедерацию. Из уст отдельных ее лидеров раздавались призывы к отделению северных регионов, а в 1996 г. состоялось провозглашение «независимой Падании», получившей свой флаг, гимн, «правительство» и проч. Все это не помешало лидеру Лиги Севера У. Босси занять в 2001 г. в правительстве С. Берлускони пост министра по вопросам децентрализации (деволюции), а отдельным фракциям и региональным подразделениям партии придерживаться скорее автономистских либо федералистских концепций. Входящая же в Лигу Севера Лига Венето стала одним из инициаторов проведения в марте 2014 г. электронного референдума о независимости этого региона.

Еще один фактор связан с тем, что сами сторонники отделения отвергают отрицательно нагруженный термин «сепаратисты», предпочитая положительно окрашенные понятия «индепендисты», «суверенисты» и т.п. Самоназвание «суверенисты» («суверенистское движение») амбивалентно по сути, поскольку апелляция к концепту суверенитета, дискуссионному и меняющемуся, оставляет открытым вопрос о форматах его реализации, делегирования и деления. Такая самоидентификация притупляет остроту конфликта с центральным правительством, расширяет поле для маневра, облегчая ситуационные колебания между автономизмом и сепаратизмом. Но она также позволяет идеологам этнорегиональных проектов на самом деле уходить от выбора по капитальному вопросу о государственном отделении. Часто предлагается промежуточный вариант «конфедерации» либо изобретаются новые неопробованные статусы. Например, квебекцы, дважды (в 1980 и 1995 гг.) проводившие референдумы на эту тему, ставили на голосование не «отделение» и не «независимость», а «суверенитет-ассоциацию» и «суверенитет-партнерство». Балтийская республиканская партия предлагала сделать Калининградскую область «ассоциированным» субъектом РФ. В проектах Лиги Севера фигурировала среди прочего «свободная ассоциация Севера, Центра и Юга». Насколько это лишь эвфе-

мизмы, точно сказать трудно. Однако тот факт, что одни и те же акторы в зависимости от обстоятельств меняют курс, переходя от автономизма к сепаратизму и обратно либо воздерживаясь от однозначного выбора, вовсе не доказывает, что нет принципиального различия между самими этими *типами проектов*.

Наконец, имеется старая, идущая из XIX в. словарная традиция ассоциировать сепаратизм с автономией. Но она явно относится к философской категории «автономия», смысл которой – независимость, самостоятельность, – и к сепаратизму в широком значении «обособления вообще». (В философии и сегодня разрабатываются темы сецессии и автономии.) И вряд ли обосновано механически переносить эту традицию на сепаратизм в узком смысле (отделение от государства) и на автономию как субгосударственный статус, кардинально отличный от государственного, международно-субъектного. Это не что иное, как смешение совершенно разнородных смыслов понятия, о неправильности которого говорилось вначале.

Что касается смыслового и терминологического объединения сепаратизма с автономизмом, то аргументов против него гораздо больше, нежели за него. Собственно, речь идет о том, насколько фундаментальна грань между сецессией и автономией.

Первое. В отличие от автономии, претензии на выход из состава государства бросают капитальный вызов этому государственному образованию. Как подчеркнул директор Института этнологии РАН В. Тишков, «сецессия (раздел) – всегда серьезное *перераспределение ресурсов и власти*» (7). Добавим, что такое перераспределение затрагивает не только государственные институты и элитные группы, но и все общество. Оно охватывает самые разные сферы: экономику, внутреннюю и внешнюю политику, безопасность, культуру, причем учитывать надо и краткосрочные, и долгосрочные эффекты. Отделение территории с ее населением, рынком, природными богатствами, инфраструктурой и т.д. способно очень сильно изменить конкурентные позиции разного рода общественных субъектов – от политических и бизнес-элит до этнокультурных групп.

Второе. В плане *межэтнических/межнациональных отношений*, с которыми тесно связан феномен сепаратизма, типичным последствием сецессии является еще большая актуализация всей этой сферы и обострение межэтнических трений. Это касается и нового государства, где часто возникает проблема вторичной сецессии собственных меньшинств, и «материнского», где из-за отпадения одной группы может нарушаться прежде стабильный и гармоничный баланс между другими группами.

Сходные негативные эффекты потенциально содержит и автономия как модель решения этнических конфликтов – о ее плюсах и минусах специалисты давно спорят. Однако выраженность таких эффектов в случае отделения намного больше. Кроме того, именно в этой ситуации дестабилизация межэтнического и межконфессионального баланса легко приобретает международное измерение, вызывая цепную реакцию в сопредельных странах. На все это неоднократно обращали внимание многие этноконфликтологи и специалисты по афро-азиатским странам, где особенно сильно выражены этнокультурные и конфессиональные разломы (см., напр.: 2; 12). Яркой иллюстрацией тут служит динамика нарастающей дестабилизации Ближнего и Среднего Востока.

Третье. Даже безотносительно к этноконфессиональному срезу, изменение межгосударственных границ всегда меняет, иногда принципиально, *баланс сил и геополитический расклад в окружающем регионе*. В предельном случае реализация сепаратистского проекта может иметь и последствия планетарного значения, как это было с роспуском СССР.

Четвертое. Перспектива сужения внешних границ с большой вероятностью воспринимается государством и остальной частью населения как неприемлемая, порождая *острый антагонистический конфликт* «с нулевой суммой». В истории известны лишь единичные эпизоды, когда государства добровольно соглашались на утрату части своей территории вне экстраординарного контекста. В основном же согласие было связано либо с военным поражением,

либо с крупной гео- и социополитической реконфигурацией, такой как деколонизация, перекройка карты на исходе двух мировых войн или самоликвидация коммунизма.

Подавляющее большинство попыток сепессии встречало жесткое противодействие. Решение 11 южных штатов выйти из состава США вылилось в Гражданскую войну 1861–1865 гг., в которой погибли сотни тысяч человек. Вскоре Верховный суд вынес постановление о нерушимости союза США⁵, на основании которого была позже пресечена попытка Техаса присоединиться к Мексике. На том же основании уже в 2012 г. власти США официально отклонили сотни петиций об отделении, которые теперь формально может подать (либо подписать) на сайте Белого дома любой американец.

До сих пор относительно примирительное отношение к реальной перспективе сепессии части территории продемонстрировали лишь британские власти в случае с Шотландией и в меньшей степени Канада применительно к Квебеку. Но эта позиция является исключением. Политический класс Валлонии остается непреклонным противником отделения Фландрии. Резко отрицательной оказалась реакция Дании на активизацию в начале XXI в. фарерского сепаратизма. Жесткую позицию в отношении каталонского движения занимает Мадрид.

Пятое. Именно вопрос сепессии с его высокой ценой имеет максимальный мобилизующий потенциал и легче мотивирует обе стороны конфликта (а иногда и внешние силы) на применение любых средств вплоть до *вооруженного насилия*. Пример борьбы с оружием в руках под лозунгами автономии в современном мире нам найти не удалось. Напротив, сепаратизм стал во второй половине XX в. главным источником вооруженного противоборства: почти 70% из более чем 20 млн жертв войн и восстаний после 1945 г. погибли в конфликтах на этой почве. Неоднократно борьба с вооруженными сепаратистами сопровождалась гибелью сотен тысяч человек, а пакистанская армия в 1971 г. уничтожила не менее 1 млн гражданских лиц, стараясь предотвратить отделение Восточной Бенгалии (Бангладеш) (5).

Именно борцами за независимость совершено и самое большое число террористических актов. Жертвами нескольких десятков таких групп стали более 100 тыс. гражданских лиц. На счету Курдской рабочей партии до ее отказа от сепаратизма и насилия – гибель более 35 тыс. человек (9).

Более того, как заметил Д. Горовиц, сепаратизм, допускающий вооруженный путь реализации своей цели, всегда притягивает особую категорию людей, склонных к войне и насилию. В итоге происходит всесторонняя радикализация этнорегионального движения, во главе которого вместо лидеров типа И. Руговы оказываются полевые командиры типа создателя ОАК Х. Тачи (2).

Разумеется, сепаратизм может развиваться и в мирном русле и даже достигать при этом своих целей. Но в целом по конфликтогенности и потенциальному дестабилизирующему эффекту он не сравним с автономизмом.

Шестое. Из сказанного выше вытекает принципиальная общая несопоставимость сепаратистских и автономистских устремлений и связанных с ними конфликтов в плане *безопасности* – локальной, региональной и международной.

Седьмое. Разительно отличается *правомочность* автономизма и сепаратизма – с точки зрения как международного, так и внутреннего права. Требования территориальной автономии или расширения автономных прав могут не удовлетворяться, но их выдвижение в современном мире невозможно сделать объектом законодательных запретов. Легальность даже мирного сепаратизма гораздо проблематичнее, ибо он вступает в противоречие с принципом территориальной целостности, закрепленным в национальных конституциях и законодательствах и основополагающих международно-правовых актах.

⁵ В американской политико-правовой и исторической литературе до сих пор периодически отстаивается тезис о легальности сепессии Юга.

Лишь три государства в мире признают в конституциях право на сепессию. Это Эфиопия, Узбекистан (в отношении Каракалпакстана) и карликовая островная Федерация Сент-Китс и Невис.

В ряде стран есть специальные законы об ответственности за те или иные действия, направленные против территориальной целостности (в конце 2013 г. такой закон принят и в России). В других, прежде всего западных, демократиях преследование сепаратистских целей мирными средствами практически допускается. Впрочем, и в странах Запада эта практика стала превращаться в стандарт лишь в последние два-три десятилетия.

Однако, даже когда сами сепаратистские движения считаются «по умолчанию» правомочными, их цели остаются антиконституционными. Именно таков смысл заключений, которые уже в самый последний период (1998–2014) выносили верховные суды и другие уполномоченные органы Канады, Великобритании, Дании, Испании, Италии при рассмотрении проектов референдумов о независимости (или иных актов, таких как новый Статут Каталонии) соответственно Квебека, Шотландии, Фарерских островов, Каталонии и северных регионов Италии (в частности, Венето).

В тех единичных случаях, когда центральные власти (Лондон, Оттава) готовы признать результаты референдумов и допустить отделение территории, эта перспектива подчеркнута трактуется не как основанная на праве (и на одностороннем волеизъявлении региона), а как возможный результат договоренности, которую предстоит достичь⁶. Такую модель сепессии называют процедурной в противовес нормативной.

Более того, упоминания о территориальной целостности, имеющиеся в разных законах любой страны, в принципе позволяют признать нелегальной разную по характеру сепаратистскую деятельность (см.: 5, с. 47–48). Европейская конвенция по правам человека в ст. 10 прямо говорит о возможности определенных ограничений (и санкций) на свободу выражения и распространения мнений и идей, а именно таких, «которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка...» (3).

Так что легальность⁷ сепаратизма повсюду остается зыбкой. Ее степень в каждом случае решающим образом зависит от правоприменения, которое, в свою очередь, определяется правосознанием, политической и правовой культурой, особенностями режима, актуальностью проблемы и ее восприятием, текущей конъюнктурой и т.д.

В международном праве, как известно, имеются серьезные лакуны и противоречия, касающиеся ситуаций, связанных с сепаратизмом. Ни прямых запретов на сепессию, ни права на нее (вне контекста деколонизации) оно не содержит. Коллизия между основополагающими принципами ООН – территориальной целостности и суверенитетом государств, с одной стороны, и правом на самоопределение – с другой, оставляет поле для различных толкований и самой сферы применения права на самоопределение, и допустимых форм его реализации. Последнее вопреки довольно распространенному заблуждению закреплено не за «нациями», а за «народом» (в английском варианте Устава ООН – «nations», в остальных – «народов», «peuples», «pueblos», «Volker» и т.д.).

Бесспорно лишь то, что право на политическое самоопределение вплоть до отделения применимо к территориям с явным колониальным статусом и «отчетливо отграниченным географически, исторически и культурно». Отталкиваясь от такой формулировки, норвежский

⁶ Например, Верховный суд Канады в постановлении от 1998 г. указал, что односторонняя сепессия Квебека является незаконной, но что в случае соответствующего волеизъявления на референдуме у остальной Канады «не будет оснований отрицать право правительства Квебека добиваться отделения» и в этом случае должны будут последовать переговоры об условиях отделения (10, с. 220).

⁷ Проблема легитимности сепаратизма затрагивается нами в статье «Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности» в настоящем издании.

правительственный комитет, например, официально заключил в 1984 г., что «саамское меньшинство в Норвегии не может ссылаться на какие-либо принципы, вытекающие из права всех народов на самоопределение» (цит. по: 5, с. 48). Государства, включая западные, за отдельными исключениями, не считают право на самоопределение применимым ни к своим этническим меньшинствам и национальностям, ни к административно-территориальным образованиям, включая субъекты федераций. Не существует также никаких критериев и правил, регламентирующих международное признание или непризнание сепаратизма и самопровозглашенных государств.

Итак, если сравнивать сепаратизм и автономизм как две стратегии территориально-политического «обособления», то, несмотря на возможность смены одной на другую, на во многом общую почву, из которой они произрастают, между этими стратегиями имеются глубокие политические различия.

Спектр всевозможных интересов – индивидуальных, групповых, корпоративных, государственных, международных, – которые затрагивает сепаратизм, при прочих равных неизмеримо шире, чем в случаях автономистской модели. Можно сказать, что успешный сепаратизм создает новую политико-пространственную реальность, тогда как автономизм модифицирует существующую.

Определяющим фактором этих различий оказывается цена вопроса о государственных границах и государственной субъектности. И это лишний раз иллюстрирует ключевую роль, которую сохраняют государства, несмотря на серьезные изменения в их прерогативах и глобализационные процессы.

Сепаратизм – еврорегионализм

Новое измерение вносит в эту проблему европейский регионализм. Самоутверждение европейских регионов бесспорно выходит за рамки автономизма. Повышение их компетенции, субъектности и роли, заложенное вместе с принципом субсидиарности в правовую основу ЕС и поддерживаемое брюссельскими евроструктурами, – немаловажный элемент европейского интеграционного проекта. В таком контексте регионализм становится движущей силой разворачивающейся в Европе трансформации политико-пространственной организации жизни. Однако процесс отхода от вестфальской полигосударственной архитектуры имеет различные потенциальные векторы, и конечные контуры будущей европейской структуры не ясны. Более того, сам тип ее модели остается предметом принципиальных идейно-политических разногласий в европейских обществах, в том числе и внутри региональных сообществ.

С сепаратизмом – как стратегией дробления государств и/или коррекции границ между ними – еврорегионализм соотносится сложным, амбивалентным образом. Сложность определяется двумя главными факторами.

Первый состоит в том, что актуализация локально-региональных идентичностей и стремление таких сообществ к укреплению своих прав и компетенции – тенденция внутренне неоднородная. В ней просматриваются два фундаментально различных в своей логике тренда. В одном случае речь идет скорее о разновидности автономизма, который противостоит централизму и унитаризму, но не ставит под вопрос общенациональное и государственное начала как таковые. Во втором – о своего рода радикальном гибриде локализма и европеизма (в духе концепции глокализма), взаимосвязанном с мировоззрением постмодерна и осознанно отвергающем национально-государственные ценности и структуры как «репрессивный» архаизм. Но это, так сказать, идеально-типическая конструкция. Такой еврорегионализм имеет горячих адептов и популяризаторов в России, наиболее известным из которых является публицист В. Штепа. В Европе же эти идеи, обладая сильными позициями на политико-идеологическом поле в целом, вовсе не определяют реальную политическую активность на региональном и

местном уровнях. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы зайти на сайты автономистских/регионалистских партий и организаций и изучить их программы. Большинство из них носят умеренный характер и дальше лозунгов федерализма, адресуемых центральным властям своих государств, не идут.

Тем не менее как тенденция радикальный еврорегионализм существует. И поскольку, в отличие от автономизма, он ориентирован на дробление и исчезновение национальных государств, его можно рассматривать как квазисепаратизм, как новую, постмодернистскую разновидность сепаратизма, хотя формально он не покушается на существующие государственные границы.

Вместе с тем – и в этом состоит второй фактор амбивалентности – в ценностном и политико-философском плане постмодернистский сепаратизм глубоко противоположен классическому. Последний оспаривает лишь конкретные границы, а не государственно-политическую модель мира, возводя, напротив, фактор государственности в абсолют, стоящий жертвенной борьбы.

Проблема смысловых пределов сепаратизма и его разграничения с автономизмом и разными типами регионализма имеет помимо научно-теоретического также инструментальное и мировоззренческое измерения. Усилившаяся тенденция смазывать грань между ними, о которой мы говорили вначале, не случайна.

Во-первых, полуотождествление сепаратизма с позитивно окрашенными понятиями «автономия» и «регионализм» выполняет вполне практические функции. Сепаратистам и квазисепаратистам оно позволяет свободнее маневрировать, находить общий язык с оппонентами в собственных рядах, а также легитимироваться в глазах остальной части общества и центральной власти. Но есть и обратная сторона. Двусмысленность в этом вопросе дает основания демонизировать конкретные автономистские (федералистские) проекты. Пример последнего показали украинские события 2014 г. Как только в феврале-марте 2014 г. на Юго-Востоке прозвучали идеи федерализации страны, они были не просто отвергнуты новой властью в Киеве, но и квалифицированы как «антигосударственный сепаратизм», что лишь способствовало разгоранию конфликта.

Во-вторых, объединение понятий сепаратизм, сецессионизм, автономизм, регионализм в плохо расчлененном ряду работает на эволюцию сознания в определенном направлении. Логический подтекст и идейный месседж такого подхода – в том, что фактор государственных границ вообще непринципиален, ибо сами эти границы обречены полностью исчезнуть. В этой логике самоутверждение регионов и распад государств через проекты сецессии представляются двумя сторонами одного и того же процесса перехода к глобальному постнациональному «сетевому обществу».

Насколько обоснован этот взгляд на будущее, к сторонникам которого мы не относимся, – отдельный вопрос, решение которого в ходе истории будет зависеть в том числе от мировоззрения и выбора людей, от общественного сознания. Так или иначе проблема сепаратизма сегодня все больше вплетается в общий контекст споров и борьбы вокруг моделей мироустройства. И в этом состоит кардинально новый и важный мировоззренческий аспект этого явления.

Список литературы

1. Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации: Материалы международной научно-практической конференции (Липки, сентябрь 1992 г.). – М.: Наука, 1993. – С. 145–164.
2. Горовиц Д. Разрушенные основания права сецессии // Власть. – М., 2013. – № 11. – С. 189–191. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/11/Horowitz.pdf>.

3. Европейская конвенция по правам человека // Council of Europe. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.
4. Коцюбинский Д. Глобальный сепаратизм – главный сюжет XXI века. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013. – 132 с.
5. Нарочницкая Е.А. Этнонациональные конфликты и их разрешение: Политические теории и опыт Запада / РАН. ИНИОН. – М., 2000. – 96 с.
6. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. – М.: Новый хронограф, 2012. – 672 с.
7. Тишков В.А. Моральность сепаратизма // Блог В.А. Тишкова. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html#
8. Dubuy M. La théorie de la sécession remède (remedial secession): Avatar contemporain du droit des peuples à disposer d'eux-mêmes? // Association française de droit constitutionnel. – Mode of access: <http://www.droitconstitutionnel.org/congresNancy/comN2/dubuyTD2.pdf>.
9. Forsberg O.J. On the classification of ethnic groups as proto-terrorist // Kvasaheim. – Mode of access: <http://www.kvasaheim.com/docs/oceg.pdf>.
10. Hanna R.M. Right to self-determination in *in re* secession of Quebec // Maryland j. of intern. law. – Baltimore, 1999. – Vol. 23, Issue 1. – Article 9. – P. 213–246. – Mode of access: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/mjil/vol23/iss1/9>.
11. Plaid Cymru – the Party of Wales: Cyfansoddiad // Plaid Cymru. – Mode of access: http://www.plaidcymru.org/uploads/Cyfansoddiad_Nov_2012.pdf (Дата обращения – 19.10.2014).
12. Tullberg J., Tullberg B.S. Separation or unity? A model for solving ethnic conflicts // Politics and the life sciences. – Bloomington, IN: Indiana univ. press, 1997. – Vol. 16, N 2. – P. 237–248. – Mode of access: http://tullberg.org/wp-content/uploads/2013/03/CivDiv.PLS_.pdf.

Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности

Е.А. Нарочницкая

Аннотация. В статье на материале современной Европы рассматривается проблема многообразия и классификации сепаратизма и сецессий, основные критерии сопоставления и типовые особенности сепаратистских движений, а также некоторые дискуссионные вопросы типологии этого феномена.

Abstract. The paper focuses on varieties of separatism (secessionism) in general, and in Europe, in particular. It considers major points of comparison and typical differences among separatist (secessionist) movements, as well as some controversial issues when dealing with their typology and classification.

Ключевые слова: сепаратизм, сецессионизм, сецессия, многообразие сепаратизма (сецессионизма), типология сепаратизма, типы сепаратизма, европейский сепаратизм, право на сецессию, классификация сепаратизма.

Keywords: separatism, secessionism, secession, varieties of separatism (secessionism), typology of separatist movements, types of separatism, European separatism, right to secession, classification of separatist movements.

Анализ и политическая оценка сепаратизма серьезно осложняются колоссальным многообразием этого феномена в его конкретных проявлениях. Корни, причины и условия возникновения, движущие силы и акторы, динамика, результаты и последствия – все это крайне многовариантно. Реальный сепаратизм еще более многолик, чем идеология национализма, с которой тесно связан сепаратистский «синдром». Не будет большим преувеличением сказать, что это явление почти столь же многообразно, сколь многообразен мир. В одной только современной Европе его палитра весьма широка. Недавние волны – постсоветская, балканская, западноевропейская, а теперь и крымско-новороссийская – добавили в нее и новые краски, и весьма противоречивый материал для обобщений.

Многовариантность сепаратизма, вероятно, объясняет дефицит обобщающих и сравнительных теоретических публикаций и практически полное отсутствие монографических исследований на эту тему. Есть немало работ об отдельных движениях, обширная литература по смежным теоретическим проблемам – теории нации и национализма, этническим конфликтам, концептам суверенитета, самоопределения, сецессии и др., теоретические разработки частных вопросов, яркие примеры публицистики. Но развернутая система теоретического рассмотрения сепаратизма в его многообразии, пожалуй, только начала создаваться.

Примечательным сдвигом в этом направлении стало появление в 2012 г. монографии Ф. Попова «География сецессионизма в современном мире» (5). В этой книге не только предлагается методика политико-географического исследования сецессионизма, но и систематизированно представляется весьма объемный концептуальный материал, довольно далеко выходящий за дисциплинарные рамки политической географии.

Теоретическую часть монографии сопровождает 400-страничная база данных, составленная автором по положению на первое десятилетие XXI в. В этой базе фигурируют 199 «зон распространения сецессионизма» в мире. Из них 37 расположены в Западной Европе, еще 6 – на Балканах, 15 – в европейской части постсоветского пространства (в том числе 4 в России) (5, с. 224–620). В пяти из них, включая Чечню, Ингушетию и Аджарию, сепаратизм (сецес-

сионизм)⁸ ушел с повестки дня еще в прошлом десятилетии. Ситуация вокруг Крыма и Донбасса, напротив, резко обострилась и приобрела новые конфигурации. Кроме того, те или иные квазисепаратистские тенденции имеются в разных российских регионах. Есть они и в Центрально-Восточной Европе, где некоторые автономистские движения (в румынской Трансильвании, населенных венграми районах Словакии, чешской Моравии) также не лишены сепаратистского потенциала.

Сравнивать и классифицировать движения под лозунгом отделения приходится исходя из отдельных критериев. Ими могут быть ключевые различия программы, сферы и характера проявлений, юридического и фактического статуса, типа организации и используемых методов, социальной и электоральной базы, идейно-политического профиля, исторических корней, причин и артикулируемых мотивов, внешних связей, а также иных типовых черт самих движений или параметров исторического и политического контекста.

Со своей стороны, Ф. Попов, используя некоторые из этих критериев, вводит целую сетку новых понятий, позволяющих четко детализировать и описать вариации сецессии с точки зрения политико-пространственных, территориально-правовых и других значимых параметров. Так, определяются разные варианты «фактической сецессии», включая такой чрезвычайно важный, по нашему мнению, концепт, как «побочная сецессия».

Термином «побочная сецессия» обозначаются любые ситуации, «когда отделение является побочным продуктом генетически отличного движения, преследующего иные цели, нежели смена суверенитета в пределах некой территории» (5, с. 37). Действительно, следствием внутренней политико-идеологической борьбы (в контексте противостояния двух мировых систем), а вовсе не сепаратистских стремлений, стали отделение Тайваня от Китая и разделение Кореи. Среди свежих примеров – образование талибами Исламского Эмирата Афганистана; распад Сомали; провозглашение уже в 2014 г. «Исламского халифата» на части территории Ирака и Сирии.

В ряд именно «побочных сецессий» вписывается, на наш взгляд, и феномен самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик. Смута и вооруженный конфликт на Украине были порождены не русским (либо региональным) ирредентизмом, пребывавшим (за пределами Крыма) разве что в эмбриональном состоянии, а неприятием «майданной революции» населением Юго-Востока и глубокими разногласиями вокруг организации и геополитической ориентации украинского государства.

Будучи политическим географом, Ф. Попов сразу обращает внимание на такой политически фундаментальный параметр, как степень фактического (нелегитимного) контроля сепаратистов над территорией, за отделение которой они борются. В случаях фактической сецессии она может быть полной – в государствах де-факто либо частичной (в терминологии Ф. Попова «средней») – если центральные власти теряют контроль над частью оспариваемого пространства. Во всех остальных случаях она является нулевой, даже если сепаратистская партия представлена в органах власти соответствующего региона, как это имеет место в Шотландии или Каталонии.

Отметим, что еще одним, очевидно базовым, – поскольку речь идет о фундаментальных интересах безопасности – критерием классификации сепаратизма «по умолчанию» считается основной тип его формы: мирный либо насильственно-вооруженный (в том числе террористический, повстанческий, партизанский и др.).

⁸ Мы используем термины «сепаратизм» и «сецессионизм» как взаимозаменяющие синонимы. См. об этом в настоящем издании: Нарочицкая Е.А. Понимание сепаратизма: Об амбивалентных соотношениях сецессионизма, автономизма, регионализма.

Если мы посмотрим на современную Европу с точки зрения двух этих фундаментальных параметров, то увидим, что она четко распадается на две части с абсолютно несхожими моделями сепаратизма и сценариями осуществления сецессии.

На востоке континента с крушением коммунизма произошла капитальная реконфигурация политической карты. При этом общий распад СССР, расставание Чехии и Словакии, а также выход в 2006 г. Черногории из конфедеративного союза с Сербией совершились ненасильственно. Однако на Южном и Северном Кавказе, в Приднестровье и – в еще больших масштабах – на Балканах эти же процессы вылились в вооруженные конфликты. Пик их пришелся на 1990-е годы, после чего большая часть конфликтов, так и оставшись политически неразрешенной, перешла в мирную стадию «замороженных».

Отдельные вспышки военных действий и насилия имели место и в следующем десятилетии (осетино-грузино-российский конфликт в августе 2008 г.; операции и теракты чеченских боевиков и контроперации по их устранению; насилие боевиков ОАК над сербскими жителями в Косове под протекторатом ООН; акции нелегальных албанских вооруженных групп в Македонии, в сербских муниципалитетах Прешево, Буяновиц и Медведжа). В 2014 г. новым кровавым отголоском распада СССР стал вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины.

В итоге именно здесь, в Юго-Восточной Европе и на постсоветском пространстве, сосредоточен сегодня крупнейший в мире кластер стабильных, но непризнанных (Нагорный Карабах, Приднестровье) и частично признанных (Абхазия, Южная Осетия, Косово) государств. Здесь же имеется ряд других случаев фактической сецессии, в том числе вторичного порядка. Это прежде всего фактически управляемые Белградом районы боснийской Республики Сербской и северная окраина Косова, чей международно-правовой статус остается спорным. Новым казусом частичной фактической сецессии стали неконтролируемые Киевом районы Донбасса, а новым изменением карты – ненасильственное, но мало кем признанное де-юре возвращение Крыма в состав России.

Западная Европа в последние полвека не знала ни дробления государств, ни другого изменения карты, кроме коррекции франко-германской границы (после референдума 1955 г. в Сааре) и воссоединения Германии, ни военных конфликтов на своей территории, ни фактических сецессий. Здесь нет государств де-факто, если не считать географически (и отчасти культурно) относящуюся к Азии Турецкую Республику Северного Кипра. Здесь почти не пришлось сталкиваться с такими формами борьбы за отделение, как восстания, партизанские действия и гражданские войны. Единственным исключением является межобщинный конфликт в Северной Ирландии: и по числу жертв (более 3 тыс. убитых и 17 тыс. раненых), и по характеру противоборства (с участием британской армии) он приближается к конфликтологической категории войн (4, с. 30–32).

Вместе с тем сепаратистский вызов хорошо знаком западноевропейским странам в двух других форматах. Новым явлением последних 20–25 лет стал рост умеренного политического сепаратизма, отвергающего насильственные и нелегальные методы. Однако мирная политическая модель, с которой стало принято отождествлять современный западный сепаратизм, вовсе не исчерпывает его профиль.

Всю вторую половину XX в. типичной была как раз иная – вооруженно-террористическая форма. Более того, по сравнению с другими частями мира именно в западных демократиях этнополитический радикализм чаще всего принимал террористическую форму, что подтверждено несколькими исследованиями по методикам математической статистики (см.: 4, с. 34; 10). Волна терактов начала подниматься еще на рубеже 1950-х годов и в последующие два десятилетия прокатилась по многим странам. Террористические кампании баскских, корсиканских и ирландских сепаратистов затянулись на несколько десятилетий и унесли жизни многих тысяч людей. В основном погасить их удалось лишь в конце XX – начале XXI в.

В настоящее время число и активность таких групп сведены к минимуму. Не менее половины среди них – баскские. Однако самая известная – ЭТА – в 2013 г. объявила (впрочем, не впервые) о прекращении вооруженной борьбы. Версия о воссоздании Бретонской революционной армии не подтвердилась. А вот Фронт национального освобождения Корсики (ФНОК) все еще существует, причем легальная сепаратистская партия «Корсика либера», за которую в 2010 г. проголосовало более 9% жителей острова, так и не выступила с публичным осуждением насилия. Полуанонимные вооруженные группы есть на Сардинии – в 2004 г. там готовилось покушение на С. Берлускони. Так или иначе говорить об окончательной победе над сепаратистским терроризмом, видимо, было бы пока неосторожно.

Помимо двух главных форм – мирно-политической и вооруженной, если строить классификацию сепаратизма на сфере и характере проявления, – во все времена появлялись сепаратистские идеи и настроения, не получающие политического оформления. Это идейный, или ментальный, сепаратизм. Сепаратистские идеи, тиражируемые в неполитическом ключе, но в публичном пространстве, можно рассматривать как дискурсивную, или публичную, вариацию сепаратизма, приближающуюся к политическим формам, но отличную от них.

Кроме того, политический сепаратизм бывает в разной степени институционализированным, в зависимости от того, насколько он представлен политическими организациями и в какой степени эти организации включены в легальный политический процесс или в неформализованное политическое и гражданское противоборство.

По мнению Ф. Попова, «политический характер цели движения... не позволяет отличить сецессионистские проекты от сецессионистских движений» (5, с. 43). Действительно, идея сецессии по своей сути уже является политической. Тем не менее, на наш взгляд, различать вербальные идеи, политические проекты, институционализированную политическую деятельность и иные политические движения сецессионистского плана можно и нужно. Это необходимо для оценки их реального политического веса и эффекта. И это важно в плоскости юридических запретов, для проведения черты между легальным и нелегальным сепаратизмом (если мы не хотим однажды оказаться в оруэлловской антиутопии, где мысль уже могла быть преступлением).

По своему характеру и задачам как политический, так и дискурсивный сепаратизм может быть умеренным («независимость в перспективе») или радикальным («независимость немедленно»), а также целевым или риторическим, инструментальным.

Инструментальным является, например, тот политический сепаратизм, который поднимается на щит региональными элитами не в расчете на реализацию отделения, а как средство давления на центр. Именно такая логика «шантажа и торга с центральной властью», по выражению В.А. Тишкова, была характерна в 1990-х годах для постсоветской России (наряду с вооруженным чеченским сепаратизмом и другими реальными дезинтеграционными импульсами) (6).

В проектах отделения экономически преуспевающих Шотландии, Каталонии, Севера Италии тоже нередко видят способ добиться от центра бюджетных и фискальных льгот или других дивидендов. Многие заметили, что кампания за проведение референдума о статусе Каталонии стала стремительно раскручиваться после того, как председатель регионального правительства А. Мас получил от Мадрида отказ в ответ на предложение предоставить Каталонии полную налогово-финансовую автономию (8; 15).

Однако грань между подлинным, целевым сепаратизмом и сепаратизмом инструментальным тонка и спорна. Отчасти это вопрос интерпретации, зависящей не от эмпирического анализа, а от заданных теоретических посылок. В русле инструментальной теории национализма и этнических конфликтов все движения, апеллирующие к идентичности и самоопределению, предстают инструментом достижения корпоративных элитных интересов, но это не делает эти

движения фиктивными, симуляционными. Инструментальность необязательно означает симуляционность, хотя бывает и так.

С конца XX в. развитие получило новое явление, которое, на наш взгляд, хорошо описывается понятиями эпатажного, игрового, симуляционного, виртуального, фантазийного и т.п. «сепаратизма». Оно представляет собой один из типов постмодернистского квазисепаратизма.

Эксцентричные казусы случались и раньше. В 1960-е годы было провозглашено и до сих пор «существует» «Княжество Себорга» в итальянской Лигурии, а также «Княжество Силенд» на острове в Северном море. Уже не одно десятилетие власти Дании ведут борьбу с «Вольным городом Христиания», который создала в одном из кварталов Копенгагена община хиппи, живущая там по своим законам. «Каскадию» – название «независимой нации» на западном побережье США – профессор из Сиэтла Д. Макклоски предложил еще в 1970 г.

Но лишь с конца XX в. буффонада на сюжеты с объявлением независимости и креативным изобретением идентичностей становится заметным элементом в общественных процессах – в политике, бизнесе, информационном и идейно-дискурсивном пространстве. Театрально, с картинным походом лидера Лиги Севера У. Босси к устью реки По было обставлено провозглашение государства «Падания». Большинство итальянцев предпочли воспринять это как буффонаду, никакой серьезной реакции от властей Италии не последовало.

Чаще всего новый полуигровой, игровой и т.п. квазисепаратизм проявляется вне институализированной политической сферы. Среди примеров можно назвать «Независимый проект Каскадии» и «Республики Вермонт» в США, их российские «реплики» вроде «Ингрии» и «Ингерманландии», провозглашение «Герцогства Бургундии», «независимого Гента» или «Русской демократической республики Домодедово», историю с двумя хуторами, «отделившимися» от Эстонии и объявившими о «восстановлении советской власти».

Реальный подтекст, смыслы и цели нового эксцентричного «сепаратизма» могут быть как связанными с проблематикой государственного единства и сепаратизма, так и далекими от нее. Многие такие проекты сопровождаются раскруткой туристических или товарных брендов. А вот появившийся в 2008 г. Новый гентский альянс был откровенной пародией на реальные сепаратистские партии Новый фламандский альянс и Фламандский интерес. Добившись внимания СМИ, «партия» провозгласила «независимость Гента», после чего самораспустилась.

Эксцентричные квазисепаратистские инициативы вряд ли претендуют на то, чтобы превратиться в реальные проекты смены суверенитета. В этом смысле они являются симуляцией, игровой копией реального сепаратизма. Но как явление общественного сознания и дискурса они несут в подтексте совсем неигровое содержание. В разных случаях это может быть деконструкция сложившихся исторических концепций, доктрин нации, идентичности, государственности; декларация антисистемности или оппозиционности; анархический протест против институционализированной политики.

Важным критерием в оценке и сравнении сепаратистских тенденций является уровень их общественной поддержки. С этой точки зрения сепаратизм может оказываться более или менее влиятельным либо маргинальным. Основными доступными показателями служат здесь, во-первых, электоральные результаты партий, выступающих под лозунгами отделения, и, во-вторых, опросы общественного мнения.

В российской интернет-публицистике часто встречаются сюжеты об «огромном сепаратистском айсберге» Западной Европы и грядущем исчезновении с ее карты почти всех крупных государств. Но если различать сепаратизм маргинальный и влиятельный, ментальный и политически-институционализированный, симуляционный и целевой, а также автономизм, регионализм и собственно сепаратизм (сецессионизм), то немалая часть «айсберга» рассыпается в «ледяную пыль».

Можно выделить три кластера западноевропейских регионов с относительно высоким, заметным (средним) и слабым уровнем поддержки сепаратизма. В первом кластере проекты

отделения представлены на политическом поле серьезными силами и пользуются сравнительно широкой поддержкой (от 20 до 40% населения и более⁹). К этой категории относятся Шотландия, где тем не менее сторонники независимости проиграли на сентябрьском референдуме 2014 г., и в меньшей степени – Уэльс. Это также Северная Ирландия, где ирландский ирредентизм, как бы он ни был силен, обречен оставаться в меньшинстве из-за демографического перевеса ольстерских протестантов. Это Фарерские острова, Каталония, Страна Басков, Фландрия, Больцано (Южный Тироль) и часть севера Италии – особенно Ломбардия и Венето.

Стоит обратить внимание на то, что почти повсюду позиции политического сепаратизма в лице соответствующих партий заметно скромнее, чем ни к чему не обязывающая абстрактная тяга к отделению, периодически фиксируемая социологическими опросами. Контраст между двумя этими показателями особенно разителен в Англии и Валлонии. Партия «За свободу Англии» не имеет никакого веса, хотя до трети и более англичан время от времени одобряют идею отдельной английской государственности. Среди валлонцев (и еще больше – среди французов) достаточно популярен сценарий воссоединения с Францией. Но его не поддерживают ни французский политический класс, ни ведущие валлонские партии, горой стоящие за сохранение бельгийской федерации, а ирредентистское Объединение Валлония–Франция получает менее 1–2% голосов. О расхождении политического и ментального сепаратизма можно говорить и применительно к востоку Европы и к России, в частности к Калининградской области.

Заметный (примерно 10–20% населения) уровень поддержки идеи отделения характерен для Корсики. В Галисии и Сардинии он меньше, но все же периодически достигает 7–9%. Данные по ряду регионов итальянского Севера, а также примыкающим к нему с юга Тоскане и Умбрии очень противоречивы (от 2 до 80%).

В остальных частях «сепаратистского айсберга», включая часто упоминаемые Бретань, Эльзас, историческую Окситанию, Ниццу, Сицилию, Валенсию, Баварию и др., влияние сецессионистских организаций и даже расплывчатой идеи независимости колеблется между ничтожным (менее 1%) и слабым (менее 5%).

Не случайно из 40 представляющих регионы и меньшинства партий и движений, входящих в Европейский свободный альянс (ЕСА), только 12 декларируют цели, выходящие за рамки автономизма. Среди них серьезный вес в своих регионах имеют лишь Шотландская национальная партия, Партия Уэльса и Новый фламандский альянс.

Как точно замечено, сепаратизм (сецессионизм) «является продуктом социально-политического конструирования и воображения» (3). Поэтому его признаки, относящиеся к сфере сознания, являются очень значимыми для его генезиса и характера.

В ценностно-идеологическом плане сепаратизм может представлять левым и правым, со всеми градациями на этой условной шкале, комбинированным и эклектичным, а может и никак не соотноситься с этой привычной нам системой координат. В анализе сецессионистских движений огромного незападного мира (кроме левоэкстремистских) эта призма просто неприменима или третьестепенна. Не актуальна она в том числе и для конфликтов на почве сецессии на юго-востоке Европейского континента.

На Западе идеологический компонент сепаратизма сегодня также отошел на задний план. Но в целом в европейском контексте это измерение всегда было и остается актуальным – и притом вариативным.

В 1930–1940-х годах бретонские, эльзасские, фламандские, фризские ультранационалисты тяготели к нацизму и фашизму, сотрудничали с Третьим рейхом, часто отличаясь особой жестокостью в «этнических чистках». Сходный коллаборационизм в разных вариантах имел место и на востоке Европы – в Прибалтике, на Украине, среди косовских албанцев и югослав-

⁹ Приводимые усредненные примерные оценки сделаны на основе сопоставления многих варьирующих данных, все источники которых указать в рамках статьи невозможно. См. также: 4; 5; 8; 14.

ских хорватов. Баскское и каталонское движения того времени, напротив, противопоставляли себя франкистскому централизму, в том числе как демократическую альтернативу авторитаризму.

Во второй половине XX в. выделился другой, левоэкстремистский, вариант сепаратизма. За исключением южнотирольских групп, все практиковавшие терроризм «борцы за независимость» – Временная ИРА, квебекский ФОК, Фронт освобождения Бретани, Фронт национального освобождения Корсики и десятки менее известных – родились на крайнем левом фланге и формулировали свои цели в категориях не только «деколонизации», но и антикапиталистической революции. В том же направлении довольно быстро эволюционировала баскская ЭТА. Для умеренных этнорегиональных партий сепаратизм был вообще не характерен, ибо тогда он считался на Западе неприемлемым. Поворот к «системному» сепаратизму только начинался – с модельных стран либеральной политической культуры: Великобритании, Канады, Бельгии.

В последний период в фокус внимания попал именно такой, «системный» сепаратизм. Его лицо представляют ряд более или менее влиятельных движений с прагматичной умеренной программой движения к «суверенитету», «полной национальной свободе» и иным «формулам независимости» через демократические процедуры. В социально-идеологических вопросах они не выходят за рамки современного мейнстрима, располагаясь ближе к центру слева, как Шотландская национальная партия (ШНП), Квебекская партия (КП), «Баскская солидарность», либо справа (каталонский блок «Конвергенция и Союз», Баскская националистическая партия (БНП), Новый фламандский альянс). Однако идеологический спектр современного западноевропейского сепаратизма намного шире.

Большинство организаций, решительно стоящих за отделение, находятся на левом фланге. Себя они определяют как социал-демократические (Партия Уэльса, «Шинн Фейн», «Республика Независимая Сардиния»), левые и социалистические, иногда с акцентом на феминизм и экологизм («Левые республиканцы Каталонии», целая группа мелких баскских партий, «Бретонские левые за независимость», «Либертат! Революционные левые Окситании» и др.). Сопоставляя программы и результаты выборов, легко заметить: чем левее идеология, тем прямолинейнее и бескомпромисснее декларируется цель отделения и тем мизернее электоральный вес. (Разумеется, речь идет лишь о сепаратистском сегменте. Многие из левых региональных организаций вовсе не принадлежат к нему, а рассуждают в категориях децентрализации самоуправления и «локальной демократии», иногда отвергая любые «идентитарные концепции».)

Правый фланг, к которому примыкают правоцентристы (Баварская партия, Партия окситанской нации, «Будущее Аландов»), малочисленнее и слабее. Правоконсервативный профиль этого фланга (немаловажный для генезиса сепаратизма) рельефно представлен у таких объединений, как союз «За Южный Тироль», «Свобода Южного Тироля», «Свободовцы» (Die Freiheitlichen), Савойская лига, бретонский «Адсав». Все они весьма оппозиционно настроены по отношению к официальному курсу, особенно в ценностных вопросах. Явно праворадикальный сектор более чем маргинален: к нему можно отнести крошечную неофашистскую группу «Молодая Бретань», Национальный форум Эльзас-Лотарингия (связанный с германской НДП), отдельных членов лиг в Италии и правых партий Фландрии (но не сами эти партии, как это нередко делается). Серьезные позиции правоконсервативные сепаратисты имеют только в Южном Тироле: после провозглашения независимости Косова электорат одних только «свободовцев» вырос там в три раза, достигнув в 2013 г. 16–18% избирателей.

Одновременно в «сепаратистском спектре» в большей степени, чем на партийно-политической сцене в целом, возникают нестандартные идеологические комбинации, что отражает растущую девальвацию прежних линий деления на «правых» и «левых». Символом этого явления можно считать Лигу Севера – крайне неоднородную, с очень различными фракциями и региональными лигами, неоднократно менявшую свои приоритеты.

Отдельного внимания заслуживает «Фламандский интерес» (ФИ – бывший Фламандский блок), у которого лозунг «за независимую Фландрию» вписан в необычную идеологическую амальгаму. Эту партию часто стереотипно называют правоэкстремистской. Однако о ее анти-системности можно говорить разве что в связи с иммиграционным досье: Фламандский блок был запрещен по решению суда за «исламофобские высказывания». Другие компоненты программы ФИ являются квинтэссенцией мейнстрима и антитезой всему, что ассоциируется с праворадикальностью. В социально-экономических вопросах фламандские сепаратисты – типичные неолибералы, в ценностных – либертарианцы-авангардисты, борющиеся за новые права сексуальных меньшинств и освобождение от вековых табу. Причем сепаратизм, так же как и оппозиция иммиграции, получает у «Фламандского интереса» либеральную и даже ультралиберальную мотивацию. «Развод» с Валлонией, объясняет лидер партии Г. Аннеманс, назрел потому, что валлонцы с их «социалистическим духом» сдерживают сокращение социальных обязательств государства (9). А растущее мусульманское присутствие опасно тем, что ставит под вопрос либеральные устои, и в первую очередь «новые европейские ценности» в сфере этики и гендера.

На общем фоне выделяются Корсика, Сицилия и отчасти Сардиния, где основные сепаратистские организации (Движение за независимость Сицилии, Сардинская партия действия и даже «прогрессистская» «Свободная Корсика») не артикулируют ни идеологических привязок, ни интереса к идеологии. Высказываются предположения, что эта политическая ниша курируется здесь мафиозными структурами. Как бы то ни было, это особый казус. В целом же внешнеидеологичность для западноевропейских политических движений нетипична.

Если идеологический компонент (и мотивация) характерен больше для западных проектов сецессии, то другой аспект сознания, с которым соотносится сепаратизм, универсален. Это формы коллективной идентичности. Одним из главных критериев классификации сепаратистских движений служит основа консолидации и мобилизации группы, от лица которой действует движение.

Большинство проектов отделения от существующих государств, в том числе в Европе, опираются на идеологию национализма. Все они апеллируют к правам конкретной этнической (этнонациональной, этнической, субэтнической, племенной) общности, определяемой в качестве нации. Такой сепаратизм принято называть этническим. Помимо этнического выделяют сепаратизм конфессиональный, а в последнее время также региональный (хотя сам феномен неэтнически мотивированного, территориального сепаратизма значительно старше).

В Европе, в отличие от Азии, религия нигде не выступает главной основой сепаратизма, даже если в отдельных ситуациях она сыграла заметную роль в размежевании идентичностей (сербы, хорваты и босняки) или в углублении межэтнического разлома и обострении конфликта (Северная Ирландия, Чечня, Косово).

А вот примеры регионального сепаратизма едва ли не в первую очередь все чаще дает современная Европа – точнее, «большая Европа», охватывающая постсоветские государства Европейского континента и Россию. Один такой казус – Приднестровье, где солидарный импульс к сецессии у населения региона создала не этничность и уж точно не идеология этнического национализма, а, напротив, неприятие румыно-молдавского этнонационалистического унионизма. Новое яркое проявление регионального сепаратизма – вооруженный украинский конфликт 2014 г., который также не описывается в преимущественно этнических категориях.

Инновационный тип регионализма представляет радикальное идейное течение в рамках еврорегионализма, ключевой концепцией которого является известная модель «Европы регионов» без крупных стран, государств и наций, но с интеграционным центром в лице брюссельских структур. Будучи в этом смысле квазисепаратистским, такой еврорегионализм создает еще одну, никогда прежде не существовавшую линию качественного раздела внутри сепара-

тизма как явления – между сепаратизмом классическим и постмодернистским, протогосударственным и постгосударственным, националистическим и постнациональным.

Однако отнести движение к региональному, этническому или конфессиональному типу не всегда просто. И такое разделение небеспроблемно в теоретическом отношении. Не всегда возможно строить характеристику на эксклюзивном выборе одного маркера. Религия, будучи одной из основ культуры, как известно, участвует в формировании этнической идентичности. Территориальные реальности тоже влияют на этот процесс – этничность не статична, она формируется и меняется в ходе истории. Региональные различия не раз в истории служили полем конструирования этнической идентичности и национальной идеи. Сепаратистские проекты могут предшествовать оформлению языка и отдельной идентичности. Именно так было с украинцами, хорватами и совсем недавно – с черногорцами.

Серьезные проблемы создают разногласия вокруг соотношения понятий «этнос», «нация», «государство». Термин «этнический» нередко приходится использовать условно, держа в голове терминологическую гетероглоссию¹⁰.

Кроме того, даже явно этнический сепаратизм всегда содержит важный территориальный компонент, поскольку сепарация, по определению, относится одновременно и к группе людей, и к территории. Поэтому специалисты и расходятся в том, к какому типу, региональному или «этническому», отнести, например, шотландское, каталонское или квебекское движения.

В современном мире все крупные этнонациональные движения аналогично государствам формулируют свою доктрину нации не в этноцентристском ключе, а более открыто, охватывая все население территории, на которую они претендуют. Современный шотландский, квебекский, каталонский национализм носит подчеркнуто гражданско-территориальный характер. Но он вовсе не лишен этнического начала. Этнический (культурно-исторический) фундамент заложен в саму логику самоопределения этих регионов в качестве наций и требований о выходе из уже существующего национального государства.

Остановимся еще на одной линии дифференциации сепаратизма. Правда, она характеризует не столько различия внутри самого этого явления, сколько его восприятие. Но эта проблема актуальна как никогда. Речь идет о разделении сепаратизма на легитимный и нелегитимный.

Широко признано, в том числе в социальных науках, что политическая легитимность не совпадает с формально-юридической легальностью, а зиждется на преобладающем убеждении, рациональном либо традиционном, в законности явления. В случае с сепаратизмом степень даже формальной легальности, как уже показывалось выше, неочевидна. Что касается его легитимности, то споры и теоретические дискуссии по этому поводу в последние два десятилетия приобрели совершенно новое качество. Причем разногласия вызывают и само такое деление в принципе, и его критерии, и еще больше квалификация конкретных ситуаций.

Главное обоснование сепаратизм, как известно, черпает в праве на самоопределение. Сама по себе идея самоопределения (индивидуального и коллективного), неразрывно связанная с идеалами свободы и равенства, превратилась в широко принятую мировоззренческую аксиому. Однако у самоопределения, как и у свободы, есть свои пределы и свой парадокс. Так же как ничем не ограниченная свобода уничтожает сама себя, так и право на самоопределение, если возвести его в абсолют, рискует лишиться самоопределения всех и вся, ибо в этом слу-

¹⁰ По этому поводу процитируем известного российского этнолога В. Тишкова: «...типологически сходные конструкты стали квалифицироваться в одних странах Европы как "языковые" или "этнические меньшинства", а в других – как "национальные меньшинства". Гетероглоссия стала политикой, когда был назначен Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств... Однако трудно доказать, что, кроме традиции внешнего предписания, которое, отчасти, стало и самодефиницией, существует принципиальная разница между гагаузами в Молдове, крымскими татарами на Украине, татарами в России и басками в Испании, тирольцами в Италии, ирландцами в Ольстере» (7).

чае неминуема цепная реакция бесчисленных волеизъявлений, вступающих в конфликт друг с другом и ведущих к всеобщему коллапсу.

В политико-территориальной плоскости самоопределение наталкивается на рациональную необходимость установить, какие именно группы людей являются носителем этого права и в каком смысле, в каких содержательных пределах. Ответ на этот вопрос ограничивается потенциальной возможностью примирить сталкивающиеся волеизъявления.

Еще более уязвимой является апелляция к праву наций на самоопределение. В этой логике право на самоопределение, включая сецессию, отдается нациям в культурно-этническом понимании и отождествляется с правом на отдельную государственность и территорию. Но право на самоопределение относится лишь к группе людей, а не к территории. Сецессия, напротив, относится именно к территории – на это принципиальное противоречие обращал внимание Д. Горовиц (13). Приведение же государственных границ в соответствие с этническими заведомо неосуществимо. К тому же сами границы между этнокультурными и тем более этнонациональными группами являются предметом неразрешимых разногласий, к которым добавляются столь же неразрешимые споры об исторических правах на территорию. Во всем этом состоят фундаментальные пороки сепаратизма как модели реализации права на самоопределение.

Отделение воспроизводит проблемы этнокультурной неоднородности и права групп на самоопределение, воссоздавая и расширяя почву для сепаратизма, только теперь уже в рамках нового государства. С распадом СССР не только 25 миллионов русских остались за пределами России, но и прежде всего резко актуализировались многие внутренние межэтнические и региональные расколы в новых государствах. Именно таков был в главном алгоритм вооруженных конфликтов на постсоветском Кавказе и в Приднестровье. Подобное происходило и на Балканах, где в результате расчленения СФРЮ полтора миллиона сербов оказались на территории Боснии и Герцеговины и более 500 тыс. в Хорватии.

О намерении воспользоваться собственным правом на самоопределение в случае выхода Квебека из состава Канады давно уже заявляли проживающие в этой провинции англоканадцы, индейцы и эскимосы. С подобным предупреждением в адрес сторонников независимости Шотландии в свое время выступали и жители Шетландских островов, расположенных в центре нефтеносной зоны.

Большинство специалистов по этническим конфликтам более чем скептически относятся к возможности решить проблему этнических противоречий путем сецессии. «Отделение неизбежно обостряет межгрупповые различия», – пишет профессор Стокгольмской школы экономики Я. Тулберг (17, с. 240). «Сецессия почти никогда не решает этих проблем [этнического конфликта и насилия], но, напротив, может усугубить их, – убежден Д. Горовиц. – Иными словами, требования сецессии выдвигаются без серьезного понимания моделей этнического конфликта и политического поведения этнической группы» (2, с. 189).

Понимание того, что плохо регламентированное самоопределение «буквально начинено динамитом»¹¹, никогда не было в состоянии погасить ни все внутренние импульсы к отделению, ни их поощрение заинтересованными внешними акторами и на нормативном уровне долгое время определяло общее сдержанно-негативное отношение к изменению сложившихся границ (вне контекста деколонизации).

Отход от этой позиции четко обозначился в 1990-е годы – как следствие капитальных идейных, ценностных и геополитических трансформаций конца XX столетия. Свою роль сыграл и многолетний опыт безуспешного национально-государственного строительства в постко-

¹¹ Так оценил провозглашенный Вудро Вильсоном принцип самоопределения госсекретарь его администрации Р. Лансинг, пояснивший в секретном меморандуме, что «без четкого обозначения единицы, к которой он практически применим», реализация этого принципа «опасна для мира и стабильности» (16).

лониальных странах. Усилиями целого ряда политических философов и правоведов (Г. Беран, А. Бьюкенен, К. Уэлмен, Д. Филпотт и др.) в соционаучный оборот вошел теоретический концепт «права на сецессию» (см. об этом, в частн.: 1; 2; 13).

Так называемая нормативная теория (первичного) права на сецессию выводит это право из либерального примата личной свободы и признает его (в крайних вариантах) за любой свободно объединившейся группой индивидуумов. Сторонники более прагматичной плебисцитарной теории резервируют право на отделение за большинством населения любых административно-территориальных единиц, «способных» к созданию государственного образования».

Еще большее развитие получили теории избирательного (ограниченного) права на отделение, постулирующие легитимность даже вооруженной сецессии при наличии особых обстоятельств, по аналогии с внеконституционным правом на революцию. Среди таких условий разные авторы называют историческую несправедливость (теория «исправляющего права» А. Бьюкенена); дискриминацию и массовые нарушения базовых прав человека (12); гражданскую войну или неспособность государства обеспечить элементарный правопорядок; стремление к демократии в условиях недемократического режима; непреодолимое взаимное ожесточение групп («аргумент Чейма Кауфмана») и их «фундаментальную несовместимость» (17).

Эти теории положили начало интенсивным дискуссиям о допустимости изменения границ в разных социальных дисциплинах и среди экспертов-практиков. Основные их положения многократно подвергались аргументированной и жесткой критике – за внутренние противоречия и неясности, невозможность объективного применения; создание почвы для манипуляций; потенциально провокационное влияние на этнические отношения; оторванность от реального опыта. По словам Д. Горовица, «не случайно большинство исследователей этнической политики проявляют заметно меньший энтузиазм в отношении сецессии, нежели международные юристы и философы» (13, с. 200). Но у теорий права на сецессию появляются и новые сторонники, продолжающие их разработку.

Так или иначе, они дали сепаратистскому тренду мощную идейную подпитку. Концептуальную базу – в основном идеологизированную и спорную – получила дифференцированная и пристрастная оценка легитимности конкретных движений. О продолжающейся практике «двойных стандартов» сказано уже так много, что этот факт вряд ли нуждается в доказательствах.

Восприятие каждого геополитически значимого случая, как показывают примеры постсоветских конфликтов, распада СФРЮ, Косова, Крыма и Украины, остается глубоко поляризованным. Причем субъективность предопределяется, помимо часто упоминаемых геополитических интересов, идеологическими и мировоззренческими расхождениями, которые во многом задают исходные координаты исторических и политических оценок.

Многие юристы сегодня без колебаний публично формулируют позицию, которая раньше существовала скорее на уровне обыденного сознания: сецессия бывает правомочной, но общих абстрактных правил здесь нет. «Сепаратизм – феномен, известный почти всем регионам мира, – отмечает швейцарский профессор международного права Э. Гризель. – В зависимости от обстоятельств он выглядит подрывным, мятежным, даже преступным либо, наоборот, совершенно легитимным. То есть он подлежит политической оценке» (11).

В рамках данной статьи мы смогли остановиться лишь на некоторых из основных линий возможного исследования многообразия сепаратизма в целом и в современной Европе в частности. Как говорилось вначале, таких линий гораздо больше.

Рассматривая сепаратизм (сецессионизм) в его вариациях, Ф. Попов отметил отсутствие у этого класса движений собственного концептуального базиса и выдвинул следующий тезис: «Сецессионизм как планетарное явление – это, скорее, особый класс движений, выделяемый на

основе общности формы преследуемых целей, – стремление к сецессии, тогда как содержание целей отличается от группы к группе» (5, с. 45).

Трактовка сецессионизма как формы не кажется удачной. С точки зрения политико-территориальной организации социума, распределения ресурсов и власти стремление к смене суверенитета в пределах данной территории – не форма, а самый что ни на есть содержательный компонент. Тем не менее в процитированном тезисе подразумевается мысль, с которой приходится согласиться. Единственным всеобщим признаком явлений, описываемых абстракцией «сецессионизм» («сепаратизм»), оказывается импульс к государственному отделению.

Речь идет не о форме, а о содержании, но собственное содержание сепаратизма действительно чрезвычайно узко. И его вариативность невелика. Практически она ограничивается набором искомых статусов: собственная государственность или присоединение к другому государству плюс разве что неустойчивые либо неапробированные промежуточные варианты типа конфедерации или «суверенитета-ассоциации». Из этого ряда выбивается лишь «Европа регионов», но об амбивалентном соотношении этой модели с классическим сепаратизмом мы уже говорили.

Общее узкое содержание сепаратизма и предопределяет его высокую вариативность, поскольку оно неизбежно оказывается вплетенным в систему целеполагания и действия, основанную на ценностях, интересах, принципах, доктринах другого порядка, другой природы, которые могут быть совершенно различны.

Своеобразие каждого из сепаратистских движений – это не просто уникальность единичного, определяемая, при сходных родовых и видовых признаках, индивидуальными нюансами. В случае с сепаратизмом складываются многочисленные комбинации разных существенных черт.

Многовариантность этих комбинаций очень осложняет полную классификацию сепаратистских движений с распределением их на интегрированные типы. Хотя выделить основные комплексные типы, каждый из которых обладает рядом ведущих признаков, вполне можно.

Ф. Попов предложил полную классификацию, разделив сецессионистские движения на 12 географических типов, включая «западноевропейский», «североамериканско-австралийский» и «постсоциалистический» (5). Однако эта типология обнаруживает явные недостатки, в частности, применительно к Европе и за пределами политико-географической призмы. Фактически речь идет о «зонах распространения сецессионизма», характеристика которых построена во многом на пространственной динамике, а вовсе не о его типах.

Некоторый опыт изучения этнонациональных конфликтов в странах Запада (в том числе – с сепаратистским компонентом) дает нам основания полагать: никакого единого «западноевропейского» и «североамериканско-австралийского», как и «постсоциалистического», типа сецессионизма не просматривается, хотя бы потому, что у действующих в каждом из этих ареалов сецессионистских движений не обнаруживается ни одного общего для всех существенного параметра классификации, кроме географической привязки. Как нет у них и доминантных черт, которые бы притом отсутствовали (или почти отсутствовали) во всех остальных географических ареалах.

Отдельные условные разновидности сепаратизма действительно можно ассоциировать преимущественно с той или иной частью мира, но далеко не всегда с географической, и с серьезными оговорками. Например, политически институционализированный, системный сепаратизм характерен больше всего для сегодняшнего Запада, повстанческие формы, особенно затяжные, – для определенных регионов так называемого Юга, а государства де-факто, полностью контролирующие свою территорию и с максимальным уровнем поддержки сецессии населением, – для постсоветской (но не всей постсоциалистической) части Европейского континента. Однако ни то ни другое ни третье само по себе еще не определяет многоликий образ сепаратизма в этих ареалах.

Даже тот более чем неполный обзор его вариаций, который мы провели, показывает это достаточно ясно. Что касается Европейского континента – Большой Европы, – то при всех различиях между западной и восточной частями, и там, и тут сепаратизм представлен в широком спектре принципиально важных типов. Как на востоке континента, так и на западе присутствует сепаратизм мирный и вооруженный, этнонациональный и региональный, националистический и постнациональный, целевой и игровой, протогосударственный и постгосударственный, влиятельный и маргинальный и т.д.

Развитию типологии сепаратизма теоретически могла бы помочь перекрестная классификация движений с использованием многих параметров. В случае корректного ввода данных можно было бы таким образом выделить «кластеры» характеристик, чаще всего сопутствующих друг другу, и на этой основе – агрегированные модели сепаратизма. Но колоссальное разнообразие контекстов, различия в методиках оценки исходных параметров и неразвитость самих баз данных делают это маловыполнимым.

Простая классификация сепаратистских движений и сецессий на основании отдельных критериев также далека от завершения. Между тем ее разработка важна не только для всесторонней оценки отдельных случаев, но и для интегральных исследований, тем более что, как точно заметила российский политолог И. Кудряшова, проблематика сецессии «обречена иметь междисциплинарный характер» (3).

Разнообразие и сепаратистского сознания, и его проявлений предостерегает против слишком общих недифференцированных схем и помогает увидеть, как огромен и многоаспектен тот контекст, в который вплетен этот феномен. Но это – не хаотический калейдоскоп. Разные «лики» сепаратизма имеют свои закономерности. Их анализ предполагает сопоставление разных дисциплинарных и концептуальных ракурсов. И без него едва ли можно понять, что порождает сепаратизм, каковы его перспективы и какое влияние он может оказать на мировой политический ландшафт.

Список литературы

1. Бьюкенен А. Сецессия: Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. – М.: Рудомино, 2001. – 239 с.
2. Горовиц Д. Разрушенные основания права сецессии // Власть. – М., 2013. – № 11. – С. 189–191. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/11/Horowitz.pdf>.
3. Кудряшова И.В. Мир воображаемых границ // РСМД. – 28.03.2013. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/library/?id_4=91#1.
4. Нарочницкая Е.А. Терроризм и демократия. (На примере этнического терроризма в странах Запада) // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – № 1. – С. 27–59.
5. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. – М.: Новый хронограф, 2012. – 672 с.
6. Тишков В.А. Сепаратизм: Кровь и слезы // Русское воскресение. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/idea/separ.htm>.
7. Тишков В.А. Поздний национализм как политический проект // Блог В.А. Тишкова. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/pozdniy_na.html#
8. Хенкин С.М. Испания: Испытание Каталонией // Перспективы / Фонд исторической перспективы. – 14.01.2013. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/ispanija_ispytaniye_katalonijej_2013-01-14.htm.
9. Это не война, а несчастливый брак // Maxpark. – 02.07.2014. – Режим доступа: <http://maxpark.com/community/politic/content/2836655>.
10. Forsberg O.J. On the classification of ethnic groups as proto-terrorist // Kvasaheim. – Mode of access: <http://www.kvasaheim.com/docs/oceg.pdf>.

11. Grisel E. Comment réussir sa sécession (démocratiquement) // Le Temps. – Geneva, 2012. – 13 dec.
12. Hannum H. The right of self-determination in the twenty-first century // Washington and Lee law rev. – Lexington, VA, 1998. – Vol. 55, Issue 3. – Article 8. – P. 773–780. – Mode of access: <http://scholarlycommons.law.wlu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1515&context=wlulr>.
13. Horowitz D.L. Self-determination: Politics, philosophy, and law // National self-determination and secession / Moore M. (Ed.). – N.Y.: Oxford univ. press, 1998. – P. 181–214.
14. Keating M.J. Plurinational democracy: Stateless nations in a post-sovereignty era. – N.Y.: Oxford univ. press, 2001. – 197 p.
15. Ljungquist Ch.S. Catalan independence and a tumultuous 2014 for Spain // Geopolitical monitor. – 2014. – 30 Jan. – Mode of access: <http://www.geopoliticalmonitor.com/catalan-independence-and-a-tumultuous-2014-for-spain-4910/>
16. Meyer K. Woodrow Wilson's dynamite // The New York Times. – N.Y., 1991. – 14 Aug.
17. Tullberg J., Tullberg B.S. Separation or unity? A model for solving ethnic conflicts // Politics and the life sciences. – Bloomington, IN: Indiana univ. press, 1997. – Vol. 16, N 2. – P. 237–248. – Mode of access: http://tullberg.org/wp-content/uploads/2013/03/CivDiv.PLS_.pdf.

Сецессии на постимперском пространстве: Косово, Абхазия, Южная Осетия

Е.Ю. Мелешкина, И.В. Кудряшова

Аннотация. Данная статья направлена на решение двух задач. Первая предполагает определение теоретического подхода к анализу государственного строительства на имперской периферии, вторая – исследование политических процессов в Косове, Абхазии и Южной Осетии до и после международно-правового признания. В заключение делается попытка установить эффективность частичного признания с точки зрения государственного строительства и определения места «проблемных» государств в международной системе.

Abstract. The article aims to provide analysis of the following issues. First, to determine the theoretical approach to the analysis of state-building in the imperial periphery. Second, to analyse the political processes in Kosovo, Abkhazia and South Ossetia before and after diplomatic recognition. In conclusion is made an attempt to establish the effectiveness of partial recognition in the framework of state-making and the problematic state's place in international relation.

Ключевые слова: сепаратизм, постсоциалистическое пространство, Косово, Абхазия, Южная Осетия, этнополитические конфликты, международно-правовое признание.

Keywords: separatism, post-socialist space, Kosovo, Abkhazia, South Ossetia, ethnopolitical conflicts, diplomatic recognition.

В 2008 г. на постсоциалистическом пространстве сразу три сецессионистских проекта обернулись частично признанными государствами. Это Республика Косово (РК), Республика Абхазия (РА) и Республика Южная Осетия (РЮО). Масштаб признания у них разный – от 110 государств у РК до 4 у РА и РЮО, и это дает основания западным политикам подчеркивать «особость» косовского случая.

Однако количественная сторона признания в первую очередь обусловлена мировой политической конъюнктурой и по значимости значительно уступает качественной – наличию государства-патрона, способного предоставлять необходимые для государственного существования политические, экономические, военные и культурные ресурсы. В этом измерении все три политии равны: Косово поддерживают большинство членов ЕС и США, Абхазию и Южную Осетию – Россия.

В единый кластер эти государства объединяет не только статус. Среди других общих признаков – длительное нахождение в составе имперских политических образований, наличие социалистического опыта национального строительства, транзитный характер территорий, обусловленный принадлежностью к имперской интерфейс-периферии, возникновение в результате вооруженных этнополитических конфликтов.

На сегодняшний день все республики имеют уже более чем шестилетний опыт развития в новом статусе. Имеющийся эмпирический материал позволяет предпринять попытку оценки их государственной состоятельности¹² и, отметим особо, влияния на нее частичного признания.

В то же время в свете событий на Юго-Востоке Украины представляется актуальным на примере этого европейского «сецессионистского кластера» показать логику сецессий на пост-

¹² Состоятельность понимается нами как способность власти эффективно контролировать территорию и производить общественные блага (public goods), которые в современных трактовках означают услуги, предоставляемые политическими институтами своим «клиентам» (от граждан до политических, экономических и иных структур) (см.: 1, с. 20–47).

имперском пространстве и выделить закономерности развития территориальных политий в условиях неконсолидированных границ.

Консолидация центров и границ и государственное строительство

Для понимания взаимозависимости консолидированности/неконсолидированности центров и границ и государственного строительства целесообразно обратиться к исследовательским подходам, разработанным норвежским политологом С. Рокканом и его коллегами. В частности, один из них, С. Бартолини, предлагает рассматривать формирование территориальных политий в терминах консолидации центра и границ, определения критериев членства, а также политического структурирования (23). Подобная логика позволяет описать возникновение и развитие государства и нации в любой стране мира как процесс, предусматривающий территориальную консолидацию, формирование социокультурных механизмов объединения сообщества и институциональной структуры политики (включая нормативные основы).

Для объяснения механизмов государственного строительства и формирования нации С. Роккан и его последователи использовали концепцию американского экономиста А. Хиршмана, описывающую различные стратегии индивидуального поведения в отношении формальных правил в неблагоприятных условиях: это «лояльность» (правилам), «голос» (стремление опротестовать и изменить правила) и «выход» (невыполнение невыгодного правила).

А. Хиршман рассматривает «выход» и «голос» как альтернативные варианты выражения недовольства людей, реализующиеся в зависимости от возможностей, предоставляемых организацией, в которой эти люди находятся (28). Он интерпретирует «недостаточную государственность» (*statelessness*) как «атрофию голоса» (отсутствие институциональных каналов его выражения), возникающую в результате присутствия у членов сообщества возможностей для «выхода».

Соотношение «выхода» или «голоса» связано с формированием границ государства. Границы определяют конфигурацию акторов и публичных (т.е. обязательных для потребления) ресурсов, «закрытых» на определенной территории.

В ситуации «закрытости» возможности для выхода отсутствуют, что толкает акторов или на укрывательство ресурсов, которыми они временно обладают, или на реализацию «голоса». Контроль над «выходом» и «входом» посредством образования границ предполагает наличие иерархии в организации, сообществе или государстве. Обычно с закрытием границ возрастают возможности политического контроля. Компетенция, достигаемость и сложность внутренней иерархии зависят от ограничений, которые предполагают строительство границ и контроль над «выходом».

Контроль над границами и сокращение возможностей «выхода» акторов генерируют процесс возрастания политического производства, механизмы легитимации центральной иерархии и структурирования политики, способствуют более эффективному выполнению специализированных функций политической иерархии (23, с. 29). Чем выше контроль над границами, тем больше возможностей у иерархических структур стабилизировать и легитимировать свои доминирующие позиции, и наоборот.

Представители роккановской традиции выявили зависимость внутреннего структурирования политики и формирования нации от специфики консолидации центра и границ различного характера (политических, экономических, социальных и культурных), проанализировав не только территориальный, но и социокультурный (членский) аспекты этого процесса (см., напр.: 35).

Последнее обстоятельство предполагало, что принадлежность акторов к политическому сообществу и возможность «выхода» за его пределы определяются контролем центра не только за территориальными, но и за социокультурными границами, которые формируются социо-

культурными нормами и правилами членства. Это означало, что «выход» может быть различным: территориальным (сецессия и проч.) и функциональным, или членским (эмиграция, отказ от уплаты налогов, службы в армии и проч.) (27, с. 82).

Так, по мнению Д. Карамани, функциональный «выход» (эмиграция) замещает территориальный «выход» (сецессию), когда контроль над территорией и границами, как и степень национальной интеграции, возрастает до такой степени, что географический сепаратизм становится немислимым (25, с. 25).

Степень контроля над границами во многом определяет возможности развития не только национального государства, но и демократических институтов, являющихся результатом исторического компромисса политических акторов и баланса их контроля над ресурсами. С. Бартолини выделяет две идеалтипические ситуации, показывающие возможные последствия полного совпадения и «закрытия» границ или отсутствия такового.

Полное «закрытие» границ влечет за собой усиление контроля центра над различными перифериями и акторами. Такая ситуация требует значительной концентрации ресурсов, неизбежно влечет за собой создание неравных условий для политических субъектов и благоприятствует доминированию одного из них. Заметное несовпадение и неопределенность границ усиливают возможности «выхода», снижают стимулы к структурированию каналов «голоса», ограничивают сферу политического производства центра и делают государство зависимым от отдельных групп интересов (например, крупных экономических игроков – выгодных налогоплательщиков) (23).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.